

А.С. Кудряшов

Извлечение и смерть

Зула убрала руки с поверхности хрустального шара. То, что она видела в его глубинах, пугало её. Даже больше: она была парализована чувством ледяного ужаса.

Она увидела чёрный круг. Ровный и правильный чёрный круг.

Чёрный круг означал смерть.

Она видела такой знак лишь третий раз в жизни. В первый раз руки на шаре держала её мама, обучая её премудростям предсказания. Она учила Зулу распознавать символы и знамения. Уже тогда, в возрасте семнадцати лет, она была посвящена в секрет маминой силы предвиденья. Мама уже рассказала ей историю Камней Возвышения, рассказала, что один из них лежит в глубинах шара. Сам шар – ничто, всего лишь клетка для камня. Вся сила заключена именно в самом камне.

Мама умерла через три дня после того, как увидела внутри шара чёрный круг. Инсульт. После её смерти Зула стала новой гадалкой салона «Магия Сферы».

Во второй раз руки на шаре держал один из посетителей. Через десять минут его сбила машина. Прямо напротив входа в салон.

И сейчас был третий раз. В этот раз на шаре были её руки.

Шар предвещал её смерть.

Во вторник утром Максим Стогов сбежал из дома. Вначале он бежал прочь так быстро, как только мог. Устав, он пошёл быстрым шагом. Сейчас мальчик не спеша прогуливался по улицам Москвы, наконец, почувствовав себя достаточно далеко от матери. Решение уйти было вполне оправданным. Он больше не мог *так* жить! Это было просто невыносимо!

Он убежал утром, около девяти. Сейчас уже почти семь часов вечера. Целых десять часов свободы! Это было так непривычно и так приятно! Ведь теперь он запросто мог купить бутылочку газированного лимонада, не выслушивая длинные лекции по поводу того, что одна капля может прожечь капроновые чулки; на свободе он мог спокойно купить пакетик картофельных чипсов, не слыша истерических повествований о холестерине и канцерогенах, которые так опасны для «маленького Симончика».

Вспомнив это прозвище, которое дала ему *она*, и интонацию, с которой *она* к нему обращалась, Максим в отвращении сплюнул. О своём ближайшем будущем он не задумывался: главное, что он был свободен от *неё*!

Это продолжалось день за днём, с самого его рождения. У него не было друзей, так как мама считала всех его сверстников опасными для маленького Симончика. «Ты не должен находиться в дурной компании», – вот что она обычно

говорила, когда Максим начинал с кем-то общаться. В результате он остался вообще без компании, без плохой и без хорошей... Ему было строжайше запрещено есть и пить всё жареное и газированное, так как это вредно для слабенького желудочка маленького Симончика; весь его рацион состоял из варёных и пареных овощей и фруктов, лишь по выходным ему позволялось съедать немного пареного мяса или рыбы. («Для получения организмом белков».) Ему нельзя было ни бегать, ни качать мышцы; даже утренняя зарядка была строго запрещена. «Симончик может надорваться». В результате он был физически слабым, слишком худым и щуплым мальчиком для своих тринадцати лет. Все эти запреты в секрете от матери всё равно нарушались. Уже около семи лет шла невидимая война матери и сына. Он противостоял ей. Тайно, но противостоял. Он, как мог, старался обходить её нелепые запреты.

И сегодня он решил всё изменить. Сегодня утром был переломный момент.

– Симончик, просыпайся, солнышко! Уже девять часов. Мамулька приготовила тебе завтрак! Яичница и свеженький помидорчик, красненький, как твои щёчки!

Но Максим уже не спал. Он всегда просыпался в полдевятого. Просто на каникулах мама заставляла его спать десять часов в сутки: она считала это здоровым сном. А если он вставал раньше девяти, она начинала причитать: «Симончик, ещё раненко! Спи, сыночек! Хочешь, мамочка споёт тебе колыбельную?»

И она действительно начинала петь. Ему было тринадцать лет, а она по утрам *пела ему колыбельную!* Поэтому лучше притвориться спящим, чем выслушивать её дребезжащий голос, поющий: «Баю-баюшки-баю...»

– Мама, мне нужно с тобой поговорить.

– Нужно-нужно умываться по утрам и вечерам! – из кухни перебрала она строчки из «Мойдодыра».

– Я серьёзно. Мне нужно с тобой поговорить, – спокойно сказал Максим.

– В ванную, сыночек. Почисти зубки, промой глазки и за сто-о-о-л! – торжественно пропела она последнюю фразу.

Максим встал с кровати, закончил утренний туалет и, внутренне подготавливая себя к тяжёлому разговору, пошёл на кухню. Стол был уже накрыт, а мама хлопотала у плиты.

«Это ненормально. Мне тринадцать лет, я могу и сам решить, что хорошо, а что плохо. Я больше не собираюсь этого терпеть!»

Одно дело жить с этим дома, где этого никто не слышит и не видит. Но всё было намного хуже. Мама Максима, Раиса Семёновна, работала учителем истории в школе, где он учился. И она, естественно, преподавала в его классе, и, *естественно*, по истории он был самым лучшим учеником, хотя и ненавидел этот предмет от всей души.

Даже в школе мама всегда была рядом. Спрятаться было негде. Над Максимом и его матерью смеялась вся школа, ученики придумали даже несколько анекдотов на эту тему.

У него не было друзей, потому что все считали его маменькиным сыночком. В классе он всегда сидел за последней партой один. С ним никто не здоровался. (*Кто знает, а вдруг он гей?*) Но никто его не трогал: мама – учитель. Поэтому все притворялись, что его просто не существовало.

Сегодня Максим решил, что пора положить этому конец. Он всю ночь мысленно подготавливал себя к этому разговору. Во всём виновата она, его мать. Из-за неё он изо дня в день волочил такое жалкое существование. Один, без друзей.

Только с ней.

– Мама, с сегодняшнего дня в нашей (*чёрт возьми, в МОЕЙ*) жизни появятся радикальные изменения, – спокойно проговорил Максим.

– Что-что, Симончик? – переспросила Раиса Семёновна.

– Ты всё прекрасно расслышала. Первое – никогда, слышишь, *никогда* больше не называй меня *Симончиком*!

– О чём ты говоришь? – растерянно спросила она.

– Ты всё прекрасно поняла. Второе – с сегодняшнего дня мне наплевать на все твои нелепые запреты.

– Нелепые запреты?.. – снова тупо переспросила Раиса Семёновна.

– Третье...

– Я не понимаю...

– ТРЕТЬЕ, – резко перебил он её, – ты перестанешь обращаться со мной, как с трёхлетним ребёнком. Мне тринадцать, понимаешь? Мне уже *тринадцать*, и я сам решу, что для меня хорошо, а что нет. *Всё ясно?*

Раиса Семеновна выглядела немного ошарашенной. Но постепенно до неё начал доходить смысл слов сына. И она заговорила. Не так, как до этого, не растерянно. Она говорила жёстко и уверенно.

– Ты, маленький неблагодарный червяк! Как ты разговариваешь с матерью?! Я – твоя мать, забыл?

– Это трудно забыть, – пробормотал Максим.

– Я ТВОЯ МАТЬ! Я вскормила тебя этой грудью! – она ткнула себя пальцем в грудь. – Я меняла твои обделанные пелёнки! Я тебя вырастила! Поэтому ты будешь *проявлять ко мне уважение*, которого я заслуживаю!

– Хватит! Я всё это уже слышал! ХВАТИТ! Больше я не стерплю этого! Кого ты из меня сделала? *Кем* я стал?

– Ты стал человеком! У тебя отличные мозги, не испорченные куревом и алкоголем! Благодаря кому? Благодаря мне!

– Благодаря тебе я стал НИЧТОЖЕСТВОМ! – взорвался Максим. – Но я больше не собираюсь им оставаться! С меня довольно!

– Ты – мой сын! – взвизгнула Раиса Семеновна. – Ты будешь мне подчиняться!

– Да, я, к сожалению, твой сын, но не твой слуга! – орал он. – Я буду делать то, что я *сам* считаю нужным!

– Да как ты смеешь мне такое говорить?! Я – твоя мать!

– Хватит это повторять! ХВАТИТ! Это не причина для того, чтобы лишать меня друзей! Это не причина для того, чтобы позорить меня на всю школу! *Это не причина для того, чтобы портить мне жизнь!*

– Портить тебе жизнь?! Да я ... – она не знала, что сказать, – я же делаю только хорошее! У тебя много друзей, у тебя...

– ЧТО?! МНОГО ДРУЗЕЙ?! – Максим не поверил своим ушам. – ДА ТЫ РЕХНУЛАСЬ!

– У тебя много друзей, – уверенно продолжила Раиса Семеновна. – Ты привлекательный, общительный, вежливый и умный мальчик. Ты – любимец учителей, они мне сами рассказывали.

Максим не мог поверить, что она могла быть такой наивной и недалёкой.

Но он вдруг понял. Она *действительно* верила в то, что говорила, потому что у себя в голове она создала картину идеального сына. Она и *вправду* считала, что у него куча хороших друзей, что он – лучший ученик. Она не обращала внимания на то, что было на самом деле. Она просто верила своему искусственному образу.

И она *любила* его. Любила до иступления.

А ещё она *боялась*. Максим видел это в её глазах. Она знала, что однажды он воспротивится. Она знала, что однажды он больше не захочет терпеть её любовь. И она боялась этого.

А ещё в её глазах была решимость. Она решила сломить его. Она хочет, чтобы он всегда оставался тем маленьким мальчиком, которого она так любит. Она не хотела, чтобы он ломал образ, который жил в её голове. *Его* образ.

Но он не собирался больше вписываться в этот образ. Её любовь – её проблема. А у него – своя жизнь. Он не собирался жить для *неё*. Он хотел жить своей жизнью. Жить для *себя*.

Максим понимал, что сейчас – переломный момент. Если она сейчас победит, если он сейчас ей уступит, то это будет навсегда. На всю жизнь. Но что он мог сделать?

Раиса Семеновна будто прочла его мысли.

– У тебя нет выхода, – победно улыбнулась она. – *Нет выхода.*

«Тебе не победить. Никогда», – решительно подумал Максим, а вслух произнёс:

– Есть! У меня есть выход!

Максим долго думал этой ночью. Он подготовился ко всему, и к этому тоже. Мальчик вихрем выбежал из кухни в свою комнату и начал одеваться. Раиса Семеновна побежала за ним.

– Что ты намерен делать?! – взвизгнула она.

Он молчал.

– Молодой человек, *немедленно* ответь мне! ЧТО ТЫ НАМЕРЕН ДЕЛАТЬ?!

Он уже надел на себя футболку.

– Я собираюсь уйти, – спокойно ответил Максим, надевая левый носок.

– Что значит «уйти»? Куда это уйти? Я тебе не позволю! – в её голосе появился страх.

– Не позволишь? – переспросил он, надевая правый носок. – Ты меня не остановишь.

– Ты НИКУДА не уйдёшь! Я – твоя мать! – завизжала она.

– Ты мне это уже сто раз говорила, – пробормотал Максим, натягивая джинсы. В кармане джинсов было четыре тысячи рублей, тысячными купюрами.

Мама всегда хранила деньги в своём тайнике: в ящике комода под своим нижним бельём. Она думала, что Максим ничего о них не знает, но он уже давно всё выяснил. Вчëра ночью он взял оттуда деньги, так как предвидел такой поворот событий.

– НЕ ПОЗВОЛЮ! – визжала Раиса Семёновна.

Максим оделся и направился в коридор. Она попыталась перегородить ему путь, но он её грубо оттолкнул. Где-то в глубине подсознания возникло чувство вины, но Максим подавил его. Хватит!

– Нет! НЕТ! – Раиса Семеновна применила своё последнее оружие. Самое мощное. Она заплакала. – Не уходи, пожалуйста. Ты ведь мой сын, я умоляю тебя! – со слезами на глазах молила она. – Я исправлюсь. Всё будет по-другому, я обещаю! Пожалуйста, Симончик!

Как удар. Её последнее слово будто ударило Максима по лицу. Он не мог выносить вида плачущей матери. Он уже почти передумал. Но слово «Симончик» отрезвило его. Он понял, что ничего не будет по-новому, если он останется. *Ничего* не изменится, если она будет рядом.

– Я ведь сказал не называть меня так, – бросил он. Он уже обулся и открыл дверь.

– НЕТ!!!

Она кинулась к нему, схватила его за руки, но он снова её оттолкнул.

– Ты проиграла, – холодно произнёс он и побежал.

Побежал так быстро, как только мог.

Яркая вывеска привлекла внимание Максима Стогова. Он остановился возле магазина с названием «Магия Сферы». Хотя, прочитав надпись под названием внимательней, мальчик понял, что это не магазин. Это был гадальный салон, в котором, как сообщалось на вывеске, предсказательница в пятом поколении Зула покажет нашу судьбу в хрустальном шаре.

Максим считал, что даже за деньги невозможно предсказать будущее. А в судьбу он вообще не верил. Поэтому, удивляясь тому, что такие заведения вообще могут иметь место в Москве, он уже было направился дальше, как вдруг у него в голове раздался голос. Не голос его подсознания, а какой-то чужой голос, *извне*.

– «Тебе сюда. Это здесь».

Мальчик в удивлении огляделся вокруг. Он подумал, что это кто-то разговаривает неподалёку. В это время улицы Москвы наводнены людьми. Максим внимательно присмотрелся к тем, кто находился неподалёку.

Недалеко от входа в гадальный салон стояла девушка, уставившись с отсутствующим выражением лица в асфальт под своими ногами. Она держала в руках шоколадное мороженое, которое, по причине летнего зноя, неудержимо таяло, но девушка, полностью погрузившись в свои мысли, этого совершенно не замечала.

Рядом с Максимом остановился темноволосый мужчина лет тридцати в строгом чёрном костюме при галстукe, держа в руках сотовый телефон. Наверное, пришло SMS-сообщение...

«Странный он какой-то... – подумал мальчик. – Такая жара, а он в костюме. Так недолго и заживо свариться!»

Все остальные люди шли мимо.

Тут Максим заметил ещё одну странность: мужчина в костюме держал свой сотовый телефон экраном вниз, внимательно всматриваясь в клавиши.

«Он им что, пользоваться не умеет? Какой смысл держать телефон вверх ногами?»

Немного подумав, Максим решил, что у всех свои странности. А голос он принял за чью-то глупую шутку. Мальчик уже хотел продолжить свою приятную прогулку, как вдруг это повторилось.

– *«Нет. Не уходи. Это находится здесь»*, – теперь было определённо ясно, что никто из находящихся рядом людей не мог этого сказать. Что за чёрт?!

– *«Гадалка покажет»*.

Мальчик застыл в полном недоумении. Гадалка покажет? Что покажет? И кто это говорит? Такое ощущение, будто кто-то говорит прямо внутри головы! Может, это какое-то радио?

«Это что, новый способ гадальных салонов привлекать посетителей?!»

Намереваясь разобраться в чём дело, Максим решительно огляделся вокруг и громко спросил:

– Кому-то что, делать нечего? Чего вы хотите?

Девушка с растаявшим мороженым словно вышла из транса и в недоумении уставилась на Максима. Мужчина в костюме оторвался от созерцания клавиш своего телефона и кинул на мальчика любопытный взгляд. Все остальные спешившие по своим делам люди не обратили на него внимания.

– *«Гадалка покажет...»*

Ну всё, это уже слишком! Максим, твёрдо решив, что это какая-то глупая рекламная кампания, направился в гадальный салон «Магия Сферы». Резко открыв дверь, мальчик вошёл в небольшое помещение мрачного вида. В ноздри ударил сладкий приторный запах каких-то трав или цветов. Когда входная дверь закрылась, в помещении стало темно, так как окон не было. Комната освещалась лишь большим количеством горящих свечей, расставленных повсюду: и в специальных подсвечниках, вделанных в стену, и на большой железной люстре,

свисающей с потолка, и на небольшом столе, стоящим слева от двери в следующее помещение. Предположительно, именно свечи, будучи ароматизированными, испускали этот запах, неприятный Максиму.

«Интересно, кто заменяет эти свечи, когда они сгорают?» – почему-то подумал мальчик.

– Кто пришёл узнать свою судьбу? Зула, предвестница грядущего, покажет тебе её в своей хрустальной сфере, – произнёс кто-то потусторонним голосом. Голос был женским.

Глаза Максима уже привыкли к полутьме. За столом рядом с дверью действительно сидела одетая в цыганский наряд молодая девушка, которую Максим сразу не разглядел.

– Э-э-э... Собственно, я пришёл не за этим, – мальчик немного растерялся.

– Правда? Тогда зачем ты пришёл в дом Зулы, странник?

«Странник? Что за глупости?» – подумал Максим, а вслух произнёс следующее:

– Я пришёл узнать про этот глупый голос, который зазывает к вам посетителей! Мне он показался лишним атрибутом вашего заведения.

– Голос? Ты слышал чей-то голос, который позвал тебя сюда?

– Да! – в раздражении ответил Макс. – Он будто прозвучал у меня в голове. И как вы это делаете?! Где у вас стоят колонки?

– А что именно сказал тебе этот голос? – девушка до сих пор говорила так, будто бы была привидением, но теперь в её голосе были заметны нотки любопытства.

– Ну уж нет! Я на этот фокус не куплюсь! Вы ведь сами это сделали, это ведь ваша реклама... – мальчик начал терять свою уверенность. А вдруг работники салона и правда не причём?

– Дом Зулы не нуждается в рекламе, – надменно произнесла девушка. – А я вам могу сказать одно – слышать голоса в своей голове – дурной знак. Это безвредно лишь тем, кто способен рассеять туман над будущим, ибо таким людям голоса говорят о том, что будет и что может быть. Голос, который приказывает что-то сделать – плохой голос.

Максим окончательно растерялся. Лишь сейчас он задумался над тем, *как* работающие в этом салоне люди могут заставить человека слышать голоса *в голове*? Ни одного возможного способа не приходило на ум. Идея про рекламу салона, показавшаяся вначале исчерпывающим объяснением, сейчас казалась просто смехотворной. Мальчик почувствовал себя полным идиотом.

«Зря я сюда пришёл...» – сказал он себе.

– Но мне интересно, что именно сказал тебе голос? Это ведь очень важно! – с жаром произнесла девушка. – Можно попытаться обозначить свойства и определить причины.

– Он сказал, – неуверенно начал Макс, немного помолчав, – что это здесь... Я, правда, не знаю, что именно. И что гадалка покажет... Что я должен что-то узнать... Но мне, наверное, показалось, извините. Я пойду.

– Нет, останься. Голос ведь сказал, что ты должен что-то узнать. В доме Зулы многие находят ответы на свои вопросы. Я уверена, что ты тоже найдёшь свои ответы.

– Найду ответы? – растерянно переспросил Максим. – Но ведь у меня нет вопросов.

– Ты уверен? – лукаво спросила девушка. – Ты даже не хочешь узнать, почему что-то в твоей голове сказала тебе прийти сюда? Ты не хочешь узнать, что именно должна показать гадалка? Уже два вопроса. Если ты скажешь, что это всё тебе не интересно, то я тебе не поверю.

– Ну да, вы правы, – сказал мальчик после секундного раздумья. – Но мне кажется, что всё это глупости. Я всё-таки пойду.

– Если ты сейчас уйдёшь, ты всё равно вернёшься. Рано или поздно. Это твоя судьба.

– Я не верю в судьбу.

– Это твоё право. Ты можешь в неё и не верить. Но она ведёт тебя сквозь жизнь, хочешь ты этого или нет. Здесь и сейчас ты можешь найти ответы на эти два вопроса.

– Я ухожу, – твёрдо сказал Максим.

– Гадалка здесь, – девушка указала рукой на дверь справа от своего стола. – Гадалка покажет.

В неярком, колеблющемся освещении свеч лицо девушки было практически неразличимо, можно было разглядеть лишь отдельные черты. Но её глаза таинственно блестели, отражая в своих глубинах яркие огоньки свеч.

Мальчик чувствовал себя довольно необычно. Было удивительно оказаться в такой странной ситуации, да ещё и после побега из дома. Буквально пять минут назад он спокойно шёл по Москве, наслаждаясь чувством свободы, а потом этот голос в голове привёл его сюда, в гадалочный салон. А прямо сейчас какая-то девушка с потусторонним голосом указывала ему на дверь, за которой находилась гадалка Зула. Максиму казалось, что мир сошёл с ума. Или не мир?.. Это он сам сходил с ума! Нужно уходить отсюда прочь! *И всё же...*

А вдруг в этом есть смысл? Ведь эта девушка права – он не успокоится, пока не узнает ответы. А ответы могут скрываться за этой дверью. *И всё же...*

А вдруг всё это глупости, и он потом всю жизнь будет стыдиться такого идиотского поступка? Он ведь никогда не воспринимал гадалок и им подобных всерьёз. *И всё же...*

А вдруг гадалка действительно ему что-то покажет? Ведь был же голос! Он действительно был! Мальчик был в этом уверен. И нет таких средств, с помощью которых работники салона могли заставить его услышать этот чёртов голос! *И всё же...*

А вдруг нет никаких ответов? Вдруг это всё является одним большим умопомрачением? *И всё же...*

Казалось, девушка с любопытством смотрела на внутреннюю борьбу мальчика со своими устоявшимися принципами. Её рука до сих пор указывала на дверь. В комнате была полная тишина. Наконец...

– Хорошо. Я пойду к ней, – Максим принял решение.

– Я знала. Прошу, она ждёт.

Макс подошёл к двери, неуверенно открыл её и вошёл в комнату гадалки. Это помещение мало чем отличалось от предыдущего. Такое же небольшое; такие же свечи расставлены по всей комнате; тот же запах; даже люстра почти такая же. Вот только мебели здесь было побольше: на стенах висели полки с пыльными книгами, в углу стоял большой платяной шкаф. В центре комнаты стоял небольшой круглый стол, на котором были расставлены горящие свечи, разложены колоды карт в большом количестве, лежали несколько толстых раскрытых книг, а в центре в специальной подставке стоял большой, светящийся, хрустальный шар. Вокруг стола были расставлены четыре стула. На одном из них лицом к мальчику сидела женщина лет сорока пяти, по виду цыганка.

– Что привело тебя в мой дом? – произнесла она звучным низким голосом.

– Голос, прозвучавший в моей голове, – без обиняков сказал Максим, подойдя поближе.

Что-то неуловимо изменилось в выражении лица цыганки. Неужели в её глазах мелькнул страх?

– Слышать голоса в голове – это плохо, особенно если они приказывают что-то сделать. Лишь провидцы могут...

– Да-да, это мне уже рассказали! – раздражённо перебил Макс. – Голос сказал, что что-то находится здесь. И что гадалка должна что-то показать.

Лицо женщины побледнело. Теперь сомнений не было – она боялась!

– Не может быть! – запинаясь, бормотала Зула. – Неужели время пришло?

– Чего-чего? Что вы там бормочете? – Максим всё больше и больше склонялся к тому, что это всё лишь одна большая глупость.

– Неужели *ты* – носитель? – уже громче, с изумлением, спросила она. – Всего лишь ребёнок...

– Носитель? О чём вы говорите?

– Сядь! И положи руки на хрустальный шар! – жёстко приказала она.

Максиму не нравилось, когда ему приказывают, но он всё же повиновался. Вдруг сейчас он найдёт свои ответы? Выдвинув стул, он сел напротив Зулы. От гадалки его отделял шар, сквозь него было видно лишь её искажённое лицо.

– Положи руки на шар, – уже спокойнее повторила она.

Максим подчинился.

И как только его руки прикоснулись к поверхности шара, он *поверил* тому, что гадалка *действительно* что-то покажет. Он что-то почувствовал. Оно звало его. Это было

(*полное сумасшествие*)

реальное ощущение. Он действительно
(свихнулся)

чувствовал, что *должен* это забрать. Где-то совсем рядом... Где же?

Шар начал терять свою прозрачность. Внутри него всё заволочло белой пеленой, закружились молочного цвета вихри. Он стал сиять ещё ярче.

Шар начал теплеть, пока не стал совсем горячим; руки едва могли выносить этот жар. Но убрать их с шара Максим не мог. Да и не хотел. Он знал, что ответы на его вопросы действительно здесь...

Вихри в шаре закрутились ещё быстрее, как во время дикого шторма. Вдруг в глубине зашевелилось что-то тёмное. Появились какие-то очертания, какие-то расплывчатые силуэты... Изображение начало проясняться, стало цветным...

Максим увидел смутно знакомого мужчину лет тридцати, сидящего на смутно знакомой кровати. Его слишком худое для такого возраста тело было обтянуто в старомодный твидовый костюм, висевший на нём как балахон. Лицо всё в прыщах; покрасневшие глаза увеличивали толстые очки. Казалось, мужчина совсем недавно плакал. Жалкое зрелище... В руках он держал какой-то журнал, пожирая его глазами. Максим присмотрелся внимательней. В журнале – фотографии обнажённых девушек.

(о Боже, он ещё девственник... Этот человек ещё девственник...)

Максим не имел ни малейшего представления о том, откуда появилось это знание. Но сейчас ему не нужны были никакие объяснения. Держа руки на поверхности хрустального шара, он просто *знал*, и всё.

(Кто же это?)

Вдруг в белой мгле шара снова появились какие-то тени. Выражение лица мужчины изменилось – появился дикий страх и жгучий стыд. И тут Максим услышал такое, от чего его лицо побледнело, а голова от потрясения пошла кругом.

– *Симончик, НЕМЕДЛЕННО выкинь плохой журнал!* – донёлся из шара до боли знакомый голос. – *Ах ты, дрянной мальчишка! За спиной у матери смотрит плохие картинки. Выкинь его сейчас же!..*

Максим в ужасе отдернул руки от шара. Картинку снова заволочло пеленой. Понимание того, что показал шар, приходило постепенно. Это

(невозможно!)

был он, в своей комнате! Это жалкое ничтожное создание – его будущее!

«Никогда! Я обещаю, что этого *никогда* не случится!» – с жаром дал сам себе обещание Максим.

– «Ты этого хочешь? Хочешь им *быть*?» – в голове мальчика опять прозвучал тот же голос. Но теперь Макс не пытался найти ему объяснение. То, что он увидел в хрустальном шаре, до сих стояло перед глазами; ненавистный голос матери эхом отдавался в ушах.

– Что ты видел? – спросила гадалка, о существовании которой Максим уже и думать забыл. Он не обратил на её вопрос внимания.

– Нет! Нет, никогда! – он отвечал голосу, а не ей.

– *«Тогда смотри. Положи руки».*

Максим догадался, что речь идёт о шаре. Он снова положил на него руки. Внутри шара опять закружились молочные вихри, он снова стал горячим. Как и в прошлый раз, появились тени, расплывчатые очертания; потом картинка начала проясняться...

Теперь Максим увидел себя приблизительно в пятнадцатилетнем возрасте. Но какие огромные изменения с ним произошли! Он выглядел очень повзрослевшим, возмужавшим. Лицо светилось счастьем, он что-то кричал, но слова заглушались гулом толпы, которая находилась за пределом видимости. Это были крики ликования, крики счастья, крики победы... Он был одет в какую-то странную одежду в виде балахона. В его руках была длинная тонкая палочка, направленная вверх. С неё ввысь летели красные искры...

Изображение заволочло белым туманом, хотя Максим не убирал рук с поверхности шара.

Какое удивительное видение! Какое счастье было написано на его лице! Мальчику была неважна причина этой радости, но он хотел как можно быстрее оказаться там. Он не знал где, не знал когда; зато знал, что *там* лучше, чем *здесь*. Там есть магия, там в его руках волшебная палочка, там он *счастлив!*

(магия? волшебная палочка? что за бред?!)

И было неважно, что это всего лишь видение; неважно, что все разумные люди отвергают и опровергают существование магии; эти несущественные на данный момент детали не имеют никакого значения. Максим верил. Он держал руки на хрустальном шаре и *верил*. Искренне, по-детски.

(всего лишь ребёнок)

– *«Время решать. Первое или второе? Каков твой выбор?»*

Разве могли быть какие-либо сомнения?! Для Максима был лишь один вариант.

– Второе! Я выбираю второе!

– Что ты выбрал? – со страхом спросила гадалка. – Расскажи мне, что ты выбрал?

– Я выбрал счастье, – улыбнувшись, ответил Максим. Сейчас решалась его судьба, и Зула больше не имела значения, как и её мнение. В этом участвовала куда большая сила, чем её ограниченные способности предвидения. Намного большая сила...

– *«Выбор сделан. Но помни: всё зависит от тебя. От тебя в будущем. Не забывай этого. Не забывай... не забывай...»*

Голос становился тише и тише, будто его источник удалялся. Наконец он совсем стих, но слова «не забывай» до сих пор эхом звучали в голове Максима.

(Всё зависит лишь от меня. В будущем. Я не забуду.)

– Ты выбрал камень, – грустно сказала Зула. – С камнем тебя всегда будет преследовать смерть. Любовь и смерть.

Максим хотел спросить, что она имеет в виду, но не успел. Хрустальный шар внезапно завибрировал, раскалился добела, засиял невыносимо ярким огнём. Появился едва слышимый свист, постепенно становившийся громче.

Гадалка в ужасе отбежала от стола в угол комнаты. Максим же не смог заставить себя отойти от шара. Он закрыл глаза, не в силах вынести слепящего сияния. Ладони рук, которые до сих пор лежали на поверхности шара, едва могли терпеть жар, но мальчик не мог заставить себя убрать их. Голова, казалось, сейчас лопнет от невыносимо громкого высокого свиста.

Слепящее сияние, обжигающий огонь, оглушающий свист... Критическая точка. И...

Всё стихло. Максим открыл глаза. Хрустальный шар перестал сиять, он снова стал прозрачным. Мальчик, наконец, убрал руки с его поверхности (Ладони были обожжены и болели.) и увидел, что прямо по центру пролегла трещина. Шар раскололся на две половины; единственное, что удерживало их вместе – подставка, на которой он стоял. Внутри ничего не было видно.

Максим, повинувшись своему внутреннему чутью, взял одну из половин шара и заглянул внутрь. Ничего. Он положил её на пол и взял другую половину. Из неё что-то выпало. Поставив половину шара обратно на подставку, он поднял выпавшую вещь с пола.

Это оказался маленький прозрачный камешек на цепочке. Цепочка по виду казалась серебряной, а камень был похож на стекло. Или на хрусталь.

«Наверное, это амулет. Скорее всего, из горного хрусталя», – мысленно предположил он.

Максим внимательно присмотрелся к камню. Казалось, что он был идеален. Ни малейшего изъяна. Небольшое колечко, через которое продевалось цепочка, не создавало ни единой трещины внутри камня. Мальчик подумал, что если положить его в воду, будет видно лишь это самое колечко – настолько камень прозрачен!

– Теперь это твоё. Надень его, – дрожащим голосом сказала Зула из угла комнаты.

– Что это? – Максим надел цепочку с камнем на шею, но не потому, что так сказала гадалка. Просто ему самому почему-то очень хотелось это сделать.

– Это – Камень Возвышения. Один из двух. Теперь ты – его носитель.

– Камень чего? – переспросил мальчик. Он держал амулет, висевший на цепочке, в руках, любуясь его совершенностью.

– Камень Возвышения.

– А что это? – ответ на этот вопрос не особо интересовал его; главное, что камень в его руках.

Он понял, что это именно то, что он искал. Камень его звал. Он чувствовал удовлетворение. Он нашёл то, что должен забрать.

– Мне неизвестно, что это. Я не знаю практически ничего о Камнях Возвышения. Единственное, что поведал мне о них шар, это то, что однажды

придёт носитель и заберёт камень. И ещё я знаю, что в нём заключена огромная сила.

– Откуда он у вас? – с любопытством спросил Максим.

– Хрустальный шар, в котором был заключён камень, появился у нашей семьи задолго до моего рождения. Он всё это время передавался из поколения в поколение. Я получила его от своей матери.

– Но откуда он *изначально* у вас появился? Почему вы передавали его друг другу всё это время?

– Я не знаю, откуда он. А хранился он нами потому, что именно в нём была заключена вся наша сила предвиденья. Без него я – ничто.

– А на вывеске написано «гадалка в пятом поколении», – ехидно сказал Максим.

– Почти все мои предки женского пола были гадалками. А вывеска – для привлечения клиентов! Никто не поверит, что наш род гадалок корнями уходит в средневековье, – раздражённо сказала Зула. – Ты забрал у меня то единственное, что приносило мне и моей дочери доход. Шара больше нет. «Магии Сферы» больше нет...

Её голос превратился в неразборчивое бормотание. Вдруг она подскочила к столу и дико заорала: «ТЫ!!!» Глаза Зулы горели сумасшедшим огнём. Испугавшись, Максим вскочил со стула и отпрыгнул от неё подальше.

«Свихнулась, – подумал Максим, – как и весь остальной мир. И я тоже свихнулся».

Дверь распахнулась, в помещение вбежала девушка из первой комнаты.

– Мама, что случилось?! – она в нерешительности остановилась, пытаясь понять, что происходит. «*Она милая...*» – неожиданно подумал Максим.

– Не мешай, Ядвига. Этот мелкий выродок только что уничтожил нашу хрустальную сферу. Наша семья веками хранила камень, а он выбрал носителем этого... – она судорожно вздохнула, пытаясь подобрать нужное слово, – этого *ребёнка!* Я не позволю такому произойти! Я не могу позволить камню нас покинуть!

Зула подняла с пола половину расколовшегося хрустального шара и разбила её об стол. Выбрав самый длинный и острый осколок, она начала угрожающе надвигаться на мальчика.

– Мама, нет! – Ядвига в панике кинулась к матери, пытаясь её остановить, но та грубо ударила дочь по лицу.

Бежать было некуда. К двери не успеть: Зула с осколком прямо на пути. Максиму стало страшно; он не знал что делать.

Камень собрался покинуть Зулу, а она не могла позволить этому случиться. Просто *не могла!* Камень был её жизнью. Её семья веками передавала шар с заключённым внутри камнем из поколения в поколение, а этот мальчишка собрался забрать его себе?! Этому не бывать!

Для Зулы лишиться камня означало смерть. Зула думала, что именно этим объясняется чёрный круг, который она увидела внутри шара сегодня утром. Но она ошиблась...

Неожиданно в помещение ворвался человек – тот самый мужчина, который держал свой сотовый телефон вверх ногами. Только теперь он вместо телефона он сжимал в руке длинную заостренную на конце палочку. Все трое с удивлением уставились на вошедшего.

«Слава Богу!» – с облегчением подумал Максим.

Вдруг произошло нечто из ряда вон выходящее. Мальчик не мог поверить своим глазам! Контуры мужчины начали расплываться, будто кто-то понизил резкость изображения; ничего нельзя было различить, осталось лишь тёмное пятно.

«Но это невозможно! Такое бывает только в фильмах с дорогими спецэффектами! Мир точно сошёл с ума!»

Тёмное пятно начало проясняться. И теперь вместо строго одетого мужчины возле двери стоял совсем другой человек! Лицо бледное, заострённое; синие губы; покатый лоб; орлиный нос; белые волосы по плечи – ну просто вылитый злой волшебник из голливудского фильма! Но самое невероятное – его глаза. Они были *абсолютно* чёрными. Человек был облачён в какой-то чёрный балахон, на груди был странный герб. Максим такого раньше никогда не видел – чёрный дракон на белом фоне. Мужчина холодно осмотрел комнату, его взгляд остановился на мальчике. Точнее, на камне, который висел у него на шее.

– Носитель – ребёнок? – неведомо у кого с иронией спросил он. Его голос был так же холоден, как и его взгляд. – Но это же смешно.

– Кто ты? – дерзко спросила Зула. – Что тебе здесь нужно? Уходи! Это наше дело!

– Ошибаешься, гадалка! – раздражённо ответил он. – Это как раз моё дело. Но уж точно не твоё!

Мужчина направил свою палочку на гадалку. Улыбнувшись, он произнёс: «*Амастерио Кодерриадо!*» С кончика палочки вылетел маленький, синий, светящийся шар и ударил Зулу в живот. Она, громко вскрикнув от боли, отлетела к стене и выронила осколок шара из рук.

– Мама! – Ядвига, в надежде как-то помочь, бросилась к матери, которая сползала по стене на пол.

– Тебя это тоже не касается, – теперь он направил палочку на неё – *Амастерио Коддерриадо!*

С кончика палочки снова вылетел синий шар и попал Ядвиге в лицо. Она упала замертво поперёк коленей матери. К удаче Максима, лицом вниз. Он не мог вынести вида того, что осталось от когда-то милого личика. Тут он заметил, что Зула была жива! «Помогите...» – прохрипела гадалка; на её лице было написано

страдание. Кровь из разорванного живота лилась ручьём; руками она пыталась удержать выпадающие внутренности ...

– Вы... вы должны ей помочь! – не зная, что сказать, крикнул Максим. Его тошнило.

Несколько секунд царило молчание, затем мужчина от души рассмеялся. Мальчика кинуло в дрожь от этого смеха.

– Помочь? – весело переспросил он. – Я могу её заткнуть, чтобы она не мешала нашему разговору.

Он снова направил на Зулу палочку и произнёс: «*Инкубус!*» Её тело словно окаменело; она не двигалась, а лишь хлопала ресницами, наблюдая за всем глазами, наполненными ужасом.

– Что вы сделали?!

– Я наложил на неё заклятье оцепенения. Она окаменела, не может пошевелиться, – спокойно объяснил мужчина.

– Но она же умирает! Сделайте что-нибудь! – Максим был в панике. На его глазах умирал человек, а он ничего не мог поделать.

– Ты мне надоел. Ради тебя я даже убью её быстро, – и он, направив свою палочку на Зулу в третий раз, что-то тихо произнёс; Максим не расслышал, что именно.

Из палочки вылетел красный луч. Тело гадалки выгнулось дугой и обмякло. Её глаза были открыты, но в них больше не было жизни. Она...

– Она мертва. Ты доволен? Теперь я хочу с тобой поговорить.

– Вы... – Максим не мог подобрать подходящее слово, – вы *чудовище!*

– Я это уже не раз слышал, – он улыбнулся. – Но перейдём к делу. Отдай мне камень.

– Ни за что, – твёрдо ответил мальчик. Он был очень напуган, но отдавать камень не собирался. – Только через мой труп.

– Ты глуп. Думаешь, это сложно устроить? Я просто хочу, чтобы ты добровольно отдал его мне. Тем более, ты нам нужен живым. У Астерота другие планы в отношении тебя.

– У кого?

– Узнаешь в своё время. Отдай мне камень. Я прошу последний раз.

– Нет, – отрезал Максим.

Мужчина направил на него свою палочку. «*Инкубус!*» – «Нет!» – в панике воскликнул Максим, пытаясь где-нибудь спрятаться, но было поздно. Его тело онемело, он упал лицом вниз, разбив подбородок. От резкого удара челюстью об пол он прикусил кончик языка. Во рту появился железный привкус крови, но боли мальчик не чувствовал. Он вообще ничего не чувствовал! Тело не реагировало на импульсы, посылаемые мозгом. Он мог лишь слышать, видеть и с трудом дышать.

Мужчина подошёл к мальчику. Из своего положения Максим видел лишь его ноги.

– Сейчас, под заклятьем оцепенения, ты никак не можешь помешать мне забрать камень. Любопытно, что ты сразу его не отдал. В тебе есть характер; Астероту пригодится такой слуга.

Вдруг Максим услышал шум распахнувшийся двери, и кто-то (по голосу – подросток) воскликнул: «Этому не бывать, Тобиас!» Мальчик не видел вошедшего, даже его ноги загораживал стоящий в центре комнаты стол, но голос был смутно знаком...

– А ты кто такой? Неужели ты собираешься мне помешать? – Тобиас пытался придать своему голосу насмешливую интонацию, но в нём, тем не менее, явно было слышно удивление.

– Кто я – неважно. Зато одно я могу сказать точно – камень тебе не достанется!

– Неужели торонцы тоже пронюхали про Камни Возвышения? Похвально. Но, кто бы ты ни был, ты пришёл поздно. Камни будут нашими! Они никогда не попадут в Братство!

– Ошибаешься. Сейчас мне придётся тебя убить, Тобиас. Мне жаль тебе это сообщать, но в течение ближайших пяти минут ты будешь уже мёртв, – вошедший говорил холодно и уверенно. – Другого варианта нет – ведь это уже случилось.

– Что ты несёшь, смерд?! *Амастерио Коддерриадо!*

– *Аматеги*. Тебе никогда не одолеть меня оральными заклятьями, адепт свергнутого бога. Защищайся! *Протемптриус!*

Комната наполнилась ослепительным белым светом. Максим поспешил зажмуриться, защищая глаза.

– *Аматеги!* А-А-А!!! – с болью в голосе закричал Тобиас.

– Ты ослеплён, Тобиас. Ты ошибся. Ты почти повержен.

– Нет! Нет!!! *Амастерио Коддерриадо! Амастерио Коддерриадо!* – с отчаянием вопил убийца. Послышался грохот взорвавшегося платяного шкафа; запахло дымом.

– *Рествиктум!* – что-то упало на пол и подкатилось прямо к лицу Максима. Палочка Тобиаса! – Нет смысла сыпать заклятьями. Прощай, Тобиас.

Максим увидел, что Тобиас упал на пол; его тело выгнулось дугой, как тело только что убитой им гадалки. Он не шевелился.

Победитель подошёл к Максиму. Были видны только его ноги, обутые в облепленные засохшей грязью ботинки из чёрной кожи. На носках золотом были выгравированы символы, изображающие половины солнца.

Мальчик не знал, что ожидать от этого человека. Может быть, ему тоже нужен камень? Может быть, он сейчас убьёт его так же, как и Тобиаса?

– *Левио Инкубус*, – проговорил он. Максим почувствовал боль в прикушенном языке и в подбородке; пошевелил пальцами – получилось! Заклятье оцепенения испарилось!

Он поспешил встать. Кем бы не был расколдовавший его человек, Максим собирался встретиться с ним лицом к лицу. Но тот уже повернулся к мальчику

спиной. Он был облачён в чёрный балахон; на голову был натянут капюшон. В руке у него тоже была заострённая палочка, коричневая; он зачем-то указывал ею на потолок.

– Кто вы? – волнуясь, спросил Максим.

– *Амбастан гон на Нубиус!* – воскликнул незнакомец и... исчез!

Там, где он только что стоял, было пусто! В комнате находились только Максим и три трупа.

(Три трупа.)

Если бы утром кто-то сказал, что сегодня он окажется в такой ситуации, Максим бы посчитал этого человека за ненормального! И всё же он здесь, в наполненной тошнотворным ароматом свеч комнате, с тремя трупами.

(С тремя трупами...)

К тому же, шкаф и полки с книгами горели. Наверное, это Тобиас поджжёт их в отчаянии. Языки пламени уже лизали ножки центрального стола; огонь подбирался к трупам женщин. Комната наполнялась дымом. Нужно срочно что-то делать, а обдумать произошедшие события можно и после, в безопасности.

(Боже, как болит голова!..)

Действовать нужно быстро и организованно, обдумывая каждый свой шаг. Первым делом ему нужно уйти отсюда...

(Нет, сначала нужно убедиться, что я не оставил следов. Господи, моя голова...)

Максим внимательно осмотрел комнату. Труп Тобиаса лежал прямо напротив мальчика, слева от стола. По правую руку в нелепой позе полусидела мёртвая (*МЁРТВАЯ!*) Зула, прислонившись спиной к стене; руками она зажимала свой окровавленный, распоротый заклиниванием живот. Попёрёк её колен лицом вниз распласталась Ядвига. Они были в луже крови, кровь была везде... Его затошнило.

Максим ещё никогда не видел мёртвых...

(Мне страшно. Я не хочу в этом участвовать. Я хочу к маме, и к чёрту камень!)

Он был готов расплакаться. У него так болела голова... Было жарко и дымно.

(Нет. Я не хочу к ней. Я больше не хочу жить в качестве маменькиного сыночка. Как червяк. Я справлюсь.)

(Мне страшно.)

Было трудно дышать. Лёгкие мечтали о свежем воздухе. Глаза слезились от едкого дыма. На Максима накатила дурнота, он пошатнулся.

(Мне страшно, но я справлюсь!)

Он дотронулся до камня, висящего на цепочке, и это сразу придало ему сил.

(Я справлюсь.)

Он ещё раз окинул взглядом комнату, стараясь не смотреть на трупы. (Он всё-таки успел заметить, что огонь уже подобрался к чёрным волосам Ядвиги.) На столе в подставке для хрустального шара, теперь расколотого надвое, была одна

из его половин; осколки другой лежали рядом, на полу. Случайно кинув взгляд на пол под ногами, он увидел там палочку. Палочку Тобиаса. Решив, что она ему ещё пригодится, он её подобрал и засунул за пояс своих штанов.

«Всё, теперь точно пора сматываться», – сказал он себе. Справа от себя Максим слышал сердитое шипение: огонь подобрался к крови, растёкшейся по полу.

Не обращая внимания на слабость в ногах, Максим поспешил выйти из этой комнаты в первую. Ему совсем не льстила возможность посмотреть на то, как трупы горят. Тем более, сам он уж точно в огонь не собирался!

В первой комнате ничего не изменилось, только вот девушки здесь больше не было.

«Потому что она сейчас лежит в горячей комнате мёртвая, с взорванным лицом, а её тело уже горит», – прогнусавило Максиму его подсознание. Он поспешил поскорее покинуть «Магию Сферы», уйти из этого проклятого места.

Солнечный свет после дрожащего полумрака гадального салона был слишком ярок для его глаз; загрязнённый выхлопными газами воздух Москвы после угарного газа и приторных испарений свеч показался для его лёгких кристально-чистым воздухом тибетских гор. После мрачных событий, произошедших в «Магии Сферы», солнечный свет и спешащие люди казались мальчику нереальными. Он хотел было уйти, но ноги подогнулись; он упал на колени. И никому не было до этого дела. Хотя, это обстоятельство радовало Максима.

(Скоро начнётся настоящий пожар. Трупы будут обнаружены, за дело возьмётся милиция. Отдел по расследованию убийств или как его там?.. Нужно уходить как можно быстрее.)

Вот только куда? Он ведь сбежал из дома, и возвращаться не собирался. Куда ему идти?

Пересилив свою слабость, он поднялся на ноги и, шатаясь, пошёл вниз по улице. Голова, казалось, готова была взорваться от дикой боли. В глазах всё расплывалось.

(Наверное, это из-за того, что я надыхался дыма...)

Максим не знал, куда шёл. Он просто двигался дальше. Ноги заплетались. Он не смотрел вперёд, он просто переставлял ноги. Он сталкивался с людьми; они раздражённо бурчали что-то, отталкивая мальчишку. Один раз он даже совершенно точно расслышал слова «обкурился» и «наркотики», однако его мозг больше не анализировал информацию, поступающую из органов чувств. В голове билась лишь одна бессмысленная, тупая мысль. Он должен идти дальше...

(дальше... дальше... дальше... дальше...)

Вскоре на пересечении двух улиц ноги у него подогнулись. Перед тем, как сознание его покинуло, он успел вспомнить слова убитой Зулы.

(С камнем тебя всегда будет преследовать смерть. Любовь и смерть.)